

Вилла Бокаж: романтическая история о беженцах в ООН | Villa Bocage: une histoire romantique des réfugiés à l'UNOG

Автор: Наталья Беглова, [Женева](#) , 28.02.2014.

Вилла Бокаж в Женеве (© N.Beglova/NashaGazeta.ch)

Вряд ли кто-то поспорит с тем, что Женеву правомерно называть городом изгнанников. Об этом на весь мир заявили сами швейцарцы через надпись на барельефе башни Молар, находящейся в самом центре города, и гласящую: «Женева – город изгнанников». Но при чем здесь ООН?

|
Villa Bocage: une histoire romantique des réfugiés à l'UNOG

Оказывается, изгнанники жили там, где сегодня находится Дворец наций, еще тогда, когда ООН и не существовало. Дело в том, что многие здания, сохранившиеся на

территории сегодняшнего Европейского отделения, были построены в разные периоды представителями французского семейства Дюваль, перебравшегося в Женеву из-за религиозных преследований.

Особенно увлекательна история беженцев, живших на вилле Бокаж, где в середине 1980-х находились ооновские языковые курсы. Мемориальная табличка, появившаяся на здании в 2011 году, гласит, что в апреле-июле 1857 года здесь неоднократно бывал Лев Николаевич Толстой. Он приехал в Женеву из Парижа специально, чтобы навестить своих двоюродных теток, графинь Елизавету и Александру Толстых. Толстой был немного влюблен в младшую из них – графиню Александру Андреевну Толстую.

Заинтересовавшись историей визитов Толстого на виллу Бокаж, я выяснила, что графини Толстые находились здесь не по своей воле, а в свите весьма именитых... беглецов. Оказалось, в середине XIX века вилла принадлежала четырем племянницам герцогини де Клермон-Тоннер. Они сдавали ее, и в 1856-1857 годах виллу снимала семья графа Строганова. Сестры Толстые приехали в Женеву, сопровождая великую княгиню Марию Николаевну, дочь императора Николая I, жену графа Строганова.

Граф Строганов

Большинство визитов Толстого на виллу Бокаж нашли отражение в его дневнике. Там есть и запись о встречах с Марией Николаевной: «Встретил 2 раза Мар[ию], недурна, но уже высокомерно учтивая». Даже дневнику он не решился поведать, что увидел именно великую княгиню?

Я попыталась найти ответ на новый вопрос: почему великая княгиня и граф

Строганов оказалась на вилле Бокаж именно в это время? Известно, что они скрывали свой брак от Николая I, но император умер в 1855 году. Значит, Мария Николаевна и Строганов не могли приехать в Швейцарию в 1857 году, скрываясь от гнева императора, как писали некоторые авторы. Разобраться помогло дальнейшее изучение всех фактов этой романтической истории.

Мария Николаевна была любимой дочерью Николая. Император так любил ее, что не хотел с ней разлучаться. Ей подыскивали мужа, который согласился переехать в Россию. Им оказался принц Максимилиан Богарнэ, герцог Лейхтенбергский, поселившийся с молодой женой в Санкт-Петербурге. Но Мария Николаевна ещё с давних пор любила графа Строганова, и ни для кого, кроме ее родителей - императора Николая I и его жены Александры Федоровны - ее связь с графом не была тайной. Роман Марии с графом начался еще при жизни мужа. По поводу рождения их последнего сына Георгия в 1852 году князь Меншиков сострил, что отец Максимилиан, хотя «в деле не был, но Георгия получил». В 1852 году Мария Николаевна осталась вдовой после тринадцатилетнего брака с герцогом Лейхтенбергским и вскоре вышла замуж за графа Строганова.

Все, писавшие о романе дочери Николая I признают, что Мария Николаевна тайком, без императорского разрешения, вышла замуж за графа Григория Александровича Строганова, но разные источники приводят различные даты свадьбы. Некоторые даже называют 1856 год, что явно не соответствует действительности, поскольку Николай I к этому времени уже умер. По словам современников, брак подвергал Марию Николаевну «настоящей опасности, если бы стал известен её отцу», и в подобном случае император вполне мог его расторгнуть, сослав Строганова на Кавказ и заточив любимую дочь в монастырь. Большинство исследователей сходится во мнении, что великая княгиня обвенчалась с графом Строгановым в ноябре 1853 года. Найдены, якобы, документы, подтверждающие этот факт.

Естественно, в свете отношение к этому браку было очень разным. Впрочем, и сама Мария Николаевна вызывала противоречивые чувства. Некоторые ею восхищались, кто-то недолюбливал, были и те, кто осуждал. Так, например, фрейлина Тютчева в своих воспоминаниях писала о Марии Николаевне: «Это была, несомненно, богатая и щедро одарённая натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце. Но ей не доставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов». На

Портрет Великой княжны Марии Николаевны кисти шотландской художницы Кристины Робертсон

мой взгляд, бесспорно одно: совершить такой поступок в то время – выйти замуж вопреки воле императора, пусть он и был ее отцом – могла лишь женщина неординарная. Подтверждением тому служит и отзыв о Марии Николаевне, который оставил выдающийся государственный деятель этого периода Дмитрий Алексеевич Милютин. Он написал о великой княжне следующее: «Эта женщина совершенно выделялась из той среды, в которой она родилась и выросла; страстная и необычная натура ее не могла подчиниться условному, стеснительному, лишенному внутреннего содержания формализму дворцовой жизни и царской семьи: она одна решилась сбросить с себя путы...».

Скрываться возлюбленным пришлось не слишком долго. В феврале 1855 года Николай I умирает. Александр II, который очень любил сестру и был обо всем прекрасно осведомлен, собирался признать ее брак с графом законным и сообщить о нем публично. Но когда о браке узнала мать Марии Николаевны, вдовствующая императрица Александра Федоровна, она пришла в ужас и потребовала сохранить тайну. В 1856 году, воспользовавшись тем, что мать в отъезде, Мария Николаевна вновь просит брата обнародовать известие о ее браке. Александр готов согласиться, но будучи человеком осторожным, собирает семейный совет. И вот на этом совете, в

основном из-за резко негативной позиции некоторых членов семьи, идея о публичном признании брака великой княгини и графа Строгонова была раз и навсегда похоронена. В сентябре 1856 года издается особый акт, который подписывают Александр и Александра Федоровна. Брак Марии Николаевны и графа Строганова признается, но при этом выдвигается условие: он должен оставаться тайным. Морганатические супруги не должны афишировать свои отношения. Строганову даже возбраняется появляться в обществе Марии Николаевны в публичных местах.

Подобная семейная жизнь мало кому пришлась бы по вкусу. Теперь становится понятным, почему супруги оказались за границей. Есть и еще одно немаловажное обстоятельство: когда великая княгиня и Строганов приехали в Женеву и поселились на вилле Бокаж, Мария Николаевна была на четвертом месяце беременности. Скрывать далее ее положение в Санкт-Петербурге было невозможно.

Все объективные наблюдатели признавали брак Марии Николаевны и Строганова счастливым. Они через всю жизнь пронесли теплые чувства друг к другу. Мария Николаевна умерла первой. Строганов переживал ее смерть очень тяжело и всем говорил, что с нетерпением ждет воссоединения с супругой. Ждать ему пришлось недолго, он умер через два года после любимой жены.

... Мария Николаевна с мужем приехала в Женеву рожать ребенка, надеясь избежать, как писал Пушкин, «суетной молвы». Если вдуматься, какая разница, от кого люди бегут: от правительства ли, опасаясь тюрьмы, или от людей, опасаясь их осуждения? По сути, они те же изгнанники.

[русские в Женеве](#)
[Швейцария в ООН](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/swiss/17174>